

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Чичко Татьяна Вячеславовна

старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ И ПРИКАМЬЯ С НАСЕЛЕНИЕМ ПЕРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Аннотация: в данной статье на основе методов статистического анализа и картографирования анализируется вопрос формирования материальной культуры прикамско-приуральского населения в период раннего средневековья, который предполагает выявление основных факторов, путей и непосредственных участников указанного процесса.

Ключевые слова: ломоватовская культура, неволинская культура, кушнаренковская культура, караякуповская культура, Сасаниды, угры, Тюркский каганат.

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ, проект №В 15-38.

Эпоха Великого переселения народов заметно отразилась на этнополитической и этнокультурной ситуации Прикамско-Приуральского региона. Проявилось это в переселении из лесостепного Зауралья и Западной Сибири значительной части угорских племен, входивших некогда в состав единого угорско-самодийского этнокультурного ареала [3, с. 230]. Археологически это проявилось в распространении неволинской и ломоватовской культур на территории Прикамья, и кушнаренковской культуры на территории Южного Приуралья. Это родственные, но не идентичные по отношению друг к другу племена, с характерными для них культурными признаками, содержащими в своем этническом составе выраженный угорский субстрат [1, с. 82–117].

Общими для них признаками материальной культуры является геральдическая поясная гарнитура, некоторые элементы женских украшений, принадлежности конского снаряжения, и использование предметов восточной торевтики в культовых целях. Материальная культура прикамско-приуральского населения в VI–VII вв. формировалась на основе нескольких компонентов: местного – угорского (принадлежности женского убранства), южного – кавказского и среднеазиатского (геральдическая поясная гарнитура и некоторые типы женских украшений), и передне- и среднеазиатского (сасанидская торевтика и монеты). Определенное влияние происходило и со стороны Византийской империи, что проявилось в распространении у прикамско-приуральского населения византийской торевтики и монет, обнаруженных, наряду с сасанидскими, в составе кладов.

Отдельно можно выделить восточную посуду III–IX вв. (сасанидскую, византийскую и среднеазиатскую), которая в массовом количестве стала попадать в регион со второй половины VII века (хотя начало ее поступления можно отнести и к более раннему периоду) [5, с. 136–139].

Ассортимент сасанидских монет и торевтики [4, с. 195–202] свидетельствует о том, что они поступали в Прикамье непосредственно в эпоху правления в Иране династии Сасанидов через среднеазиатские степи – по Степному торговому пути. Он являлся одним из ответвлений Великого шелкового пути, и проходил из Средней Азии, через плато Усть-Урт, казахстанские и оренбургские степи, вдоль р. Белой – до впадения в нее р. Уфы, и далее – в верховья рек Ирень и Сылва – в Пермский регион. Этим же путем в Прикамско-Приуральский регион поступала и восточная торевтика, о чем свидетельствует топография кладов на всем его протяжении – от Средней Азии до Прикамья. Это можно объяснить ситуацией, сложившейся в Передней и Средней Азии в V–VI вв., связанной с политикой сасанидской Персии в отношении своих северных и северо-восточных соседей – эфталитов, а затем тюрков.

Период с V по VI вв. – это время активных взаимоотношений персидских шаханшахов с эфталитами, когда войны чередовались с периодами перемирия, в

результате чего торевтика могла попасть к эфталитам в качестве дипломатических подарков и военных трофеев. Впоследствии так же она попадала и к тюркам, разгромившим эфталитов и около 552 г. создавшим свое государство. Тюрки контролировали значительную часть Великого шелкового пути, проходившего через Среднюю Азию, поэтому были вовлечены в отношения между Ираном и Византией, причем, чаще всего, выступая на стороне последней. Поддержка тюрков щедро оплачивалась Византией, и, возможно, именно к тюркам первоначально попадали византийская торевтика и монеты. Именно с деятельностью тюрков связывают Перещепинский клад из Полтавской губернии, содержащий византийские и сасанидские серебряные изделия [2, с. 41–44]. С походами тюрков на запад связано и распространение в Евразийской степи поясов геральдического типа, являвшихся продуктом византийского ремесленного производства [2, с. 71], которые становятся характерными для средневековых памятников VI–VII вв. на Северном Кавказе, в Средней Азии (джетыясарская культура), и Алтае (кудыргинский этап в истории культуры тюрков). С конца VI–VII вв. геральдическая поясная гарнитура распространяется и в Прикамско-Приуральском регионе, вместе с пришедшими сюда угорскими племенами – носителями неволинской и кушнаренковской археологических культур.

В Прикамско-Приуральский регион неволинское и кушнаренковское население пришло в результате распада Великого Тюркского каганата, в этнополитическую орбиту которого они входили, и распада некогда единой древнеугорской общности, на которой отразились социальные процессы, происходившие в Каганате. В Приуралье угры продвигались по двум направлениям – на запад и северо-запад, и расселились в двух районах: Кунгурско-Месягутовской лесостепи (неволинская культура) и в бассейне среднего и нижнего течения р. Белой (кушнаренковская культура). Кроме моды на геральдические пояса, пришедшее в регион угорское население принесло с собой и сасанидскую и византийскую серебряную посуду и монеты, с которыми они познакомились еще до их прихода в регион.

Находясь в составе единого угорско-самодийского этнокультурного ареала, угры, до своего прихода в Приуралье, были вовлечены в этнополитическую орбиту сако-массагетского мира Казахстанских и Южносибирских сиепей, в результате чего открыли для себя торгово-ремесленное население Средней Азии. Кроме того, в середине VI в. западносибирские угры были втянуты в этнополитическую систему Великого тюркского каганата, под контролем которого находились многочисленные племена, населявшие пространства от территории Монголии до Крыма [3]. Вполне возможно, что в войнах между Ираном, Византией и Каганатом участвовали и угры. Именно тогда, в качестве военных трофеев к ним могла попасть торевтика, образы и сюжеты которой им были по-своему понятны. В Прикамско-Приуральский регион угры двигались по двум направлениям, соответственно, и импорт первоначально мог поступать двумя путями, и этим можно объяснить отсутствие сасанидских монет у угров-кушнаренковцев. В этой связи можно отметить, что население Прикамья использовало монеты в качестве украшений, что видимо, не было характерно для угров-кушнаренковцев.

Таким образом, можно заключить, что распространение произведений восточной торевтики в Прикамско-Приуральском регионе связано именно с приходом сюда угорского населения, причем большую роль при этом сыграл этнополитический фактор. Соответственно и время начала поступления восточного импорта в регион можно определить концом V – началом VI вв. – это именно тот период, когда в регионе расселяются угорские племена – носители неволинской и ломоватовской культур.

Список литературы

1. Белавин А.М. Угры Прикамья и Приуралья в древности и средневековье / А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.
2. Залеская В.Н. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад / В.Н. Залеская, З.А. Львова, Б.И. Маршак, И.В. Соколова, Н.А. Фонякова. – СПб.: Славия, 1997. – 335 с.

3. Иванов В.А. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье / В.А. Иванов // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская булгария и Великая Степь. – Казань: Рухият, 2006. – 723 с.

4. Чичко (Барынина) Т.В. Направление культурных импульсов в Приуралье и Прикамье во второй половине I тыс. н.э. / Т.В. Чичко (Барынина) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2012. – С. 195–202.

5. Чичко Т.В. К вопросу о времени поступления сасанидской и византийской посуды в прикамье и Приуралье / Т.В. Чичко // XVI международная конференция, посвященная проблемам общественных и гуманитарных наук: 2 часть. – М.: Центр гуманитарных исследований «Социум», 2014. – С. 136–139.